

— Письма Димы за ноябрь 1978 г.

Ленинград, 8 ноября 1978 г.

Дорогой Сашок!

— В этом году 100-летие первого исполнения музыки Чайковского к Божественной Литургии св. Иоанна Златоуста. Во всех соборах в ноябре совершается, как и каждый год, поминовение композитора. Сегодня по традиции первым начал это Преображенский собор, что на ул. Пестеля. Я каждый год в день св. Димитрия Солунского, т.е. 8/XI, хожу туда слушать эту музыку. Сейчас она стала мне несколько ближе, раньше я недолюбливал духовную музыку Чайковского. Пели сегодня прекрасно. Может быть, звучание было не столь отшлифованным, как на пластинках, но зато всё было не законсервировано, а натурально и без концертных пропусков. После отпустительной молитвы "С миром изыдем" с проповедью выступил о. Николай (настоятель собора, старший брат нашего ректора), который, несмотря на приступ гипертонии, с блеском отслужил службу, и слово его было глубоким и интересным (в отличие от пустого и ничтожного лепета обычных музыкальных комментаторов). После обедни, как всегда, была краткая панихида по рабу Божию Петру.

— Народу было много. Кроме нормальных молящихся собралась к началу службы чуть не вся интеллигентская помойка Ленинграда.

— Разумеется, до панихиды дождалась лишь четверть этих ценителей Чайковского. Последняя воля этого несчастного человека, изложенная в его завещании, была такова: ежегодное поминовение его на панихиде; деньги свои он завещал Церкви именно с этой целью. Деньги давно ушли в небытие, а Церковь по-прежнему поминает и будет помянуть его в своих молитвах. Наша милая интеллигенция очень любит музыку Чайковского, она, закатывая глаза, наслажда-а-а-ется его мелодиями. Но исполнить последнюю волю человека (не столь тяжко обременяющую), постоять пять минут в год на панихиде и помолиться за него, и после смерти своей доставляющего всем столько радости, - это уже сверх жертвенных способностей муз. любителей. Ни за что и никогда! Мы будем помянуть его ничтожными лекциями, сплетнями о его жизни, заседаниями партактивов и худячек, но ни в коем случае не сделаем того, что он просил. Это он от нас шиш получит! Ишь, чего захотел! Угождать глупости всякого! Мы-то - умные: дьямат изучали, а он-то - глупый, серый суевер.

— Свобода совести на деле просто свелась к отсутствию таковой. Сначала совесть распоясалась, а после исчезла совсем.

— Часто приходится слышать пустословие (абсолютно бессмысленное, бессодержательное) о вдохновляющем действии искусства, музыки в частности, музыки самой по себе. Как правило, под этим понимается нечто физиологическое: усыпляющее или возбуждающее действие, оказываемое сигналами, приёмником которых служат ушные мембраны. Иногда это действие сопровождается побочными эффектами: свербением под ложечкой, в паху, "мурашками" вдоль спины, - здесь мы наблюдаем большое разнообразие, способное стать предметом эстетических споров и исследований.

— Если одним из действий такого "вдохновения" считать способность "заслушаться", т.е. "не замечать ничего вокруг себя", "не чувствовать земли под ногами" и т.п., то, видимо, музыка сама по себе, даже столь красивая как музыка Чайковского, такой вдохновляющей силой не обладает. По-видимому, вдохновение здесь требует каких-то особых условий: 1 рубля, который ты заплатил за вход в филармонию, или программки, которую можно комкать в руках, наконец, - более или менее удобного кресла и сидячего

положения. Возможно даже, что 1 руб., программка, кресло и сидячее положение (сюда можно добавить антракт и то, что в антракте, как-то: стакан воды и писсуар) - сами являются некими агентами вдохновения, но это уже вопрос спорный.

— Наглядным подтверждением такого взгляда на природу вдохновения для меня сегодня было поведение наслаждавшихся музыкой сливок интеллигентского общества. Большинству из них прискорбное отсутствие программки, кресла и писсуара позволило достоять в соборе едва до Херувимской, а многие, не получив вожделенного вдохновения за отсутствием антракта с его содержимым, пробирались к выходу ещё при пении Святый Боже.

— Молящиеся, не искушённые в вопросах эстетики, физиологии и наслажде-е-е-ния музыкой, правда, действительно не чувствовали земли под ногами (и самих ног тоже не чувствовали). Это позволило им дослушать до конца музыку литургии с великой радостью и благодарностью и автору и исполнителям, выслушать чудесную проповедь, помолиться за любимого всеми композитора на панихиде и пожалеть, что служба прошла так быстро, что и глазом моргнуть не успели (многие остались ещё на молебен перед знаменитой испанской иконой Спаса). Т.о. признаки "вдохновения" были налицо, только источник его был не в музыке, да и само вдохновение было не мнимым, иносказательным, а прямым и подлинным.

— На выходе из собора я увидел многих интеллигентов и интеллиенток, задержавшихся на скамейках внутри стасовской ограды из турецких пушек (было столько модных знакомых: как не поболтать, пока там идёт какая-то панихида). Господи, о чём они только говорили! Все такие образованные, такие грамотные, такие эстеты: тут тебе и органные мессы (что это такое, - они даже и не догадываются), и Веберн и Псалмы Стравинского (что за псалмы, - это пусть Пушкин знает), где уж тут до нищеты духовной! Такие-то аккорды звучали чисто, такие-то нечисто, полифония слабовата, сопрано повизгивали, а басы - что надо; смешной старикашка что-то читал; а тот, который в шапке (священник) глаза почему-то закрывает; а в углу, наверное, семинаристы стояли; а у меня есть пластинка с этой литургией; а Пётр Николаевич обещал прийти, а не пришёл... "Вы, дураки, ушли, а там мужик речь говорил!" "А что он сказал?" "Ну, Чайковский, мол, и всё такое... Святой он у них теперь, кажется". Дамы (после узнаю, что из консерватории): "Пра-а-авда?" Увидев, что я стою рядом (а в соборе видели, как я крестное знамение на себя налагал): "Скажите, это правда, что Чайковский теперь святой?" Вступаю в разговор. Оказывается, музыканты, консерваторию кончили, элита. Самый интеллигентный (серый, как башмак): "Литургия - это что, раз в год бывает?" (Парню к пятидесяти годам). Дамы за меня отвечают: "Да ты что, покойники-то каждый день бывают, а литургия - это когда покойников отпевают". Только хотел я задать вопрос этим покойникам: много ли они сегодня покойников в соборе видели, как опять вопрос ко мне: "А что им там в рот пихали?" Как невинно, да и сказано-то как! У меня начинают дрожать губы, говорить сразу не могу: спазмы. Тут Наташа Чичерина рядом оказалась, оттаскивает меня спешно за руку. Гляжу, плачет, едва выговаривает: "Я всё слышала. И так каждый день. Каждый день. Каждый день я в таком адском котле. Ты не представляешь себе, как это тяжело". Я представляю, сам чуть не плачу. "Берегись! Крестись про себя: это искушение!"

— На Литургии читали Евангелие: "Кто имеет уши слышать, да слышит". Нет, не слышат - глухие, не видят - слепые, сердца проржавели. Нет информации, говоришь? Дудки. Вот они стояли, смотрели, слушали... К Иоанну крестителю шли толпой, стояли, смотрели, слушали... А Господь спросил их: "Что вы ходили смотреть? Трость, ветром колеблемую?" И не могли ответить. Даже неспособны захотеть услышать, что-то узнать. Всё уже знают. "Прах, егоже возметает вет от лица земли". "Мчатся тучи, вьются тучи..." И Исая вопиет: "Сторож! Сколько ночи? сторож! сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но ещё ночь".

— Таковы посторонние впечатления, вынесенные мною сегодня после Литургии.

— Как там у вас дела? Что отец? Всего наилучшего, целую, Дима.

___ P.S. Отвлекаясь от всего этого: любопытно, что факт православной службы - наглядное свидетельство проникновения сверхъестественного в повседневную жизнь человека. Старухи, больные, сердечники, немощные запросто отстаивают длиннющие прекрасные службы, подвигнутые на это личной волей и укрепляющим вдохновением благодати. Никто из самых здоровых и сильных, но не верующих людей не может безболезненно сделать это. Чаще всего усталость и ломота (и это нормально, естественно) наступают уже через полчаса, после этого большинство уходит. Если и найдётся чудак-мазохист, на спор или по какой иной причине, выстоявший в полубессознательном состоянии всю службу, то после этого он будет весь разбит и разломан. Повторить этот подвиг он уже не захочет (а тем более повторять его несколько раз в неделю, как все верующие). Обычно, как на причину такой разницы, указывают на то, что в церкви много непонятного. Вот если вслушиваться, понимать, если бы всё не по-славянски, а по-русски было, вот тогда было бы интересно и легко стоять. Это принципиальное заблуждение. Не стану вдаваться в сущность его, укажу лишь на внешнюю несостоятельность. Я несчётное число раз, когда работал сторожем в Никольском соборе, был свидетелем, как католики (не привыкшие стоять: у себя в храмах они сидят) с большей, чем я, лёгкостью и неослабевающим восторгом стояли на 4-х-часовых русских службах, не понимая ни слова, ни действия, которое в их храмах сильно отличается. Сам я с огромной радостью выстаивал неоднократно 6-ти-часовые эфиопские службы, не чувствуя ни малейшей усталости, хотя ничего и не понимая умом.

___ Здесь мы имеем дело с явным чудом в прямом и подлинном смысле, маленьким, но ощутимым чудом, с проникновением свободы в необходимость. И отрицающие это, что-то бормочущие о каком-то никому не ведомом "самовнушении", пусть попробуют внушить себе постоять на службе и не устать, ну хоть спора ради, смеха ради. Такого ещё не было и быть не может: естество восстанет против такого насилия над собой. Силы здесь сверхъестественные, имеющие источником свободу, а не закон.

___ Всё хорошо и правильно в этом письме, но брань ("интеллигентская помойка") всё же неприятна.

Ленинград, 13 ноября 1978 г.

Дорогой Сашок!

___ Не знаю, как благодарить тебя за твою щедрую посылку. Только что её получил. Не успел, конечно, прочесть, но успел взглянуть. Увидел, что это хорошо знакомая мне публикация 1909-го года, которая здесь перепечатана с цензурными изъятиями. Ведь этот телёнок - Чертков - толком ничего сообщить не способен был. Ну, да всё равно спасибо ему за сообщение, а тебе за хлопоты. Это очень вдумчивая работа о Павла, и его мысль о генезисе антиномий мышления из Ньютоновски-Лейбницевских споров о бесконечно малых величинах действительно оригинальна, убедительна и, вне всякого сомнения, может быть продолжена в область квантово-механической проблематики (оппозиция Бор - Планк - Эйнштейн).

___ Если говорить собственно о Канте, то при всей двусмысленности его философской позиции, когда речь идёт о его логической атаке космологического (и телеологического) аргументов в "пользу" бытия Божия, его лично-человеческая (практическая, обывательская) позиция по отношению к этим аргументам была недвусмысленной. Я об этом всегда напоминаю семинаристам. Вот что Кант пишет в той же I Критике: "Это доказательство (космологическое) заслуживает того, чтобы о нём говорили с уважением, потому что это доказательство наиболее древнее, наиболее ясное и лучше всего отвечающее обычному человеческому разуму, так что не только прискорбно, но и

совершенно напрасно пытаться возражать против авторитета этого доказательства". И далее: "Разум... не может быть подавлен сомнениями утончённой и отвлечённой спекуляцией; ему достаточно одного взгляда на чудеса природы и величие мироздания, чтобы избавиться, как от сновидения, от всякой мудрствующей нерешительности и подниматься от великого к великому до высочайшего, от обусловленного к условиям до высшего и необусловленного Творца".

— Станным образом, поглощая кашу "сомнительной утончённой спекуляции", последующие исследователи Канта сплёвывали этот отрывок из Критики чистого разума, попросту не замечали его.

— Флоренский, конечно, разочаровать не может. Недавняя публикация в Богословских Трудах его работ 1918-22 годов обнаружила невероятный взлёт его философской интуиции по сравнению с довоенными работами. Могу себе представить, каких вершин он достиг в лагере перед своей смертью.

— Ещё раз большое спасибо. Целую, Дима.

— P.S. Вчера ко мне заходил один аспирант философского ф-та МГУ. Речь зашла о Флоренском. Он сказал, что его "Столп и утверждение истины" - философский бестселлер в Москве. Посмеялись по этому поводу. Материализм там окончательно выходит из моды. Недавно одна аспирантка сделала заявку на тему кандидатской работы по Мейстеру Экхарту. Тему утвердили. Руководитель, благословляя её на предстоящие труды, говорил ей: "Только умоляю, без всяких материалистических извращений, пожалуйста."

— И наглядной характеристикой этого процесса служит маленькое введение Нарского и Гулыги к присланной тобой публикации из Флоренского. Прочитывая отрывки из "Философии культа" о Павла (Богосл. Труды, вып. 17), они оставляют их без каких-либо комментариев. Думаешь, что хочешь.

Ленинград, 16 ноября 1978 г.

Дорогой Сашок!

— Послал тебе сегодня к дню рождения новое иллюстрированное издание Патриархии, посвящённое её 60-летию. Ничего особенного, но просто так, как редкая в ваших краях, книжка. Думал, думал, что ещё послать. Не нашёл ничего лучше, как переписать тебе на память (совсем не обязательно на прочтение) конспект одного из моих уроков по основному богословию в 3-м классе. Как раз такой урок, который потребовал от меня основательного изучения предмета, прежде чем изложить его в более или менее понятном виде. Конечно, на самой лекции постоянно приходится делать отступления от конспекта, разжёвывать, но всё же ты сможешь получить маленькое представление об одном из тех двух предметов, что я преподаю, и о том, чем я сейчас занят. Чтобы не загружать этот конверт, посылаю параллельно.

— С наилучшими пожеланиями, целую, Дима.

Сердечно поздравляю тебя с днём рождения. Желаю тебе крепкого здоровья, стремительных научных успехов и всяческого процветания на радость твоему семейству и всем нам.

— Вот этот конспект на память.

Онтологический аргумент тезиса "Бог существует"
(конспект лекции для 3 класса)

— Приступим к рассмотрению логически самого простого, и в то же время чрезвычайно утончённого аргумента. Его простота и, как казалось до Канта, безупречность была и есть причина, с одной стороны, многочисленных восторгов, с другой стороны - непонимания. Ведь часто так бывает, что непонятны именно самые простые вещи, они обескураживают. Только мы приготовились размышлять о чём-то сложном, напрягли все свои силы, как вдруг оказывается, что размышлять, собственно, не о чем. Так мы и остаёмся в состоянии напряжения и неуверенности. Таков и онтологический аргумент.

Название его происходит от греческого слова ον - сущее, то, что есть. Господь Бог, как вам известно, назвал Себя Моисею при Неопалимой Купине именем $\text{ο}\Omega\text{ν}$ - Сущий, по-славянски Сый, по-еврейски это имя обозначается священной тетраграммой, условно произносимой как Ягве или Иегова (переводится: Я - тот, кто есть) (рассказать подробнее историю этого имени в связи с Вавилонским пленом, переводом и проклятием греческой Библии). Это слово мы видим начертанным и на всех иконах Спасителя на крестообразном нимбе вокруг Его головы - т.е., Тот, Кто Есть. Итак, онтология - наука о сущем, о бытии.

— Аксиому, лежащую в основе этого доказательства, рассмотрим несколько позже.

— Впервые оно было выдвинуто блаж. Августином (IV в.). Но чётко сформулировал его св. Ансельм Кентерберийский (1033-1109) - великий богослов-схоластик в своём произведении Προσφυοιον ("размышление") (Рассказать о жизни архиепископа Ансельма). Вот формула его "доказательства":

Бог мыслится как Всесовершенное Существо. То, что существует, совершеннее того, что не существует. Тогда, если Бог не существует, он не Всесовершенен. Следовательно, Бог существует. Мы не можем помыслить несуществующего Бога.

Размышление Ансельма столь знаменито, что его стоит процитировать. Считается, что оно было дано ему в Озарении во время горячей молитвы в алтаре храма.

Прослогион. Гл. 2. О том, что Бог поистине есть, хотя и сказал безумец в сердце своём:
"нет Бога".

Итак, Господи, Ты, что даруешь вере разумение! даруй мне, насколько признаешь полезным для меня, уразуметь, что Ты еси, как мы веруем; и что Ты еси то именно, во что мы веруем. Веруем же мы, что Ты нечто, более чего нельзя ничего помыслить. Или, может быть, сущности такой нет, коль скоро сказал безумец в сердце своём: "нет Бога" (Пс. 13,1)? Но даже и сам этот безумец понимает, что я говорю, когда слышит: "нечто, более чего нельзя ничего помыслить"; и то, что он понимает, есть в его разуме, хотя он и не понимает, что оно есть. Ибо одно дело, если вещь есть в разуме, а другое, если разум мыслит её как ту, которая есть. Так, когда живописец замышляет то, что ему предстоит делать, он имеет в своём разуме нечто; однако он не мыслит того, что он ещё не делал, как то, что есть. Когда же он всё написал, он и в разуме имеет уже им сделанное, и мыслит его как то, что есть. Итак, даже и означенный безумец принуждён признать, что хотя бы в разуме есть нечто, более чего нельзя ничего помыслить; ведь слыша эти слова, он их понимает, а то, что разумеют, есть в разуме. Но то, более чего нельзя ничего помыслить, никак не может иметь бытие в одном только разуме. Ведь если оно имеет бытие в одном только разуме, можно помыслить, что оно имеет бытие также и на деле; а это уже больше, чем иметь бытие только в разуме. Итак, если то, более чего нельзя ничего помыслить, имеет бытие в одном только разуме, значит то самое, более чего нельзя ничего помыслить, есть одновременно то, более чего возможно нечто помыслить; чего явным образом быть не может. Следовательно, вне всякого сомнения, нечто, более чего нельзя ничего помыслить, существует как в разуме, так и на деле.

Гл. 3. О том, что небытие Бога помыслить невозможно.
То, небытие чего возможно помыслить, не есть Бог.

— Вышесказанное справедливо в такой степени, что небытие этой сущности невозможно и помыслить. Ибо мыслимо нечто, о чём нельзя даже помыслить, что его нет, и это больше, чем если о чём-либо можно помыслить, что его нет. Ведь если то, более чего нельзя ничего помыслить, может быть помыслено как то, чего нет, из этого следует, будто бы то самое, более чего нельзя ничего помыслить, не есть то, более чего нельзя ничего помыслить; а это явное противоречие. Итак, воистину есть то, более чего нельзя ничего помыслить, и при том так, что его небытия и помыслить невозможно. И это Ты, Господи, Боже наш! Итак, столь воистину обладаешь Ты бытием, Господи, Боже мой, что небытия Твоего нельзя помыслить. Так и быть должно: ведь если бы некий ум возмог помыслить нечто совершеннее Тебя, творение вознеслось бы превыше Творца и судило его, что весьма противно рассудку. Притом, всё иное, кроме Тебя одного, можно помыслить как несуществующее; итак, лишь Ты один обладаешь бытием в истиннейшем смысле и постольку в наибольшей степени, коль скоро любая иная вещь пребывает не столь истинно, а значит, имеет в себе меньше бытия.

— Так почему же сказал безумец в сердце своём: "нет Бога", если для каждого разумного духа так самопонятно, что Ты сравнительно со всем в наибольшей степени обладаешь бытием? Почему, если не потому, что он глупец и безумец?

(Этот перевод, как и комментарии к нему, сделан советским филологом С.С. Аверинцевым и взят мною из книги: "Памятники средневековой латинской литературы X-XII веков", М., Наука, 1972, стр. 250-251. Я рекомендую вам эту книгу, как одну из самых интересных, вышедших в последнее десятилетие. Кроме своих достоинств по разнообразию богатого содержания, она замечательна тем, что в ней вы нигде не найдёте слова Бог, Господь, Всевышний, а также соответствующие местоимения Ты и Он, напечатанными с маленькой буквы.)

— Эта мысль св. Ансельма казалась философам и богословам столь безукоризненной, что её на все лады пересказывали многие знаменитости, несколько видоизменяя её применительно к своим философским системам.

— Так, известный нам уже св. Фома Аквинский приводил этот довод в следующей форме: Поскольку всё в мире имеет разные степени совершенства, логично предполагать наличие меры совершенства, т.е. Бога. (Смысл этой формулы вам станет ясен из дальнейших рассмотрений.)

— Вплоть до XVIII века доказательство св. Ансельма радикально отрицалось только однажды. Пространное опровержение "онтологического доказательства" написал современник Ансельма итальянский монах Гаунило. "То, что я представляю себе, ещё от этого не существует" - к такой тривиальной мысли сводилось опровержение Гаунило. Но его голос потонул в шуме восторженных похвал Ансельму.

— Обстоятельно критиковал это доказательство Кант. Причём, если космологическому и телеологическому доказательствам он не отказывал в уважении при всей своей критике, то онтологическое доказательство он не принимал ни в каком виде.

— Его возражения таковы вкратце:

Если определять Бога как совокупность всех реальностей (мы помним, что и раньше, говоря о Канте, мы видели, что он в системе "чистого разума" понимает Бога как "всереальнейшее существо"), то бытие к этой совокупности реальностей не относится, потому что бытие - не реальность. Реальность должна изменять понятие, но ведь к понятию ничего не прибавляется от того, есть оно или нет его, оно остаётся прежним.

"Сто талеров, - указывает Кант, - представляю я их себе или имею, сами по себе остаются одним и тем же, поэтому бытие - не реальность, ибо вместе с ним к понятию не прибавляется ничего".

Понятие о 100 талерах

100 талеров в представлении 100 талеров в бытии

100 маленьких золотых кружков, такого-то размера, рисунка, пробы и т.д. 100 маленьких золотых кружков, такого-то размера, рисунка, пробы и т.д.

С такой позиции, действительно, есть у меня 100 талеров в кармане или нет их, понятие о них у меня не изменяется, т.е. от их бытия не зависит. Итак, реальным по Канту можно считать только то, что способно внести что-то новое в понятие.

Но действительно ли бытие не вносит ничего нового в понятие? Вернёмся в пример со 100 талерами. Если их нет у меня в кармане, то 100 талеров для меня - лишь смутное и туманное представление, воображение. Если 100 талеров реально существуют в моём кармане, то не приобретает ли при этом и понятие о них свойство некоей полноты, чёткости и совершенства? Я могу, например, строить конкретные планы об их расходе.

Как бы предвидя возражения Канта, уже Декарт (1596-1650) указывал на то что истина и совершенство бывают там и только там, где понятие (мысль) и бытие - тождественны, совпадают. Его знаменитая фраза: Cogito ergo sum (Мыслю - следовательно, существую), - как раз и говорит об этом. Действительно, истина, в которой я не могу сомневаться, дана мне в факте моего существования. Я не могу не иметь мысли о своём существовании именно потому, что я существую.

Но от такого истинного понятия надо отличать воображение, нечёткое представление о чём-либо. Декарт пишет: "Если мы довольно часто имеем такие представления, заключающие в себе ложь, то это именно суть представления, содержащие нечто смутное и тёмное по той причине, что они причастны небытию... Очевидно, что одинаково недопустимо, чтобы ложь и несовершенство происходили от Бога (т.е. от "всереальнейшего существа"), и чтобы истина и совершенство происходили от небытия".

Т.о. по Декарту - везде, где есть истинная мысль (типа квазиистины "Я существую"), она говорит о бытии. Значит в Боге, как в понятии о совершенной, полной Истине, содержится и полнота бытия, в Нём нет и тени небытия.

Ту же мысль, критикуя Канта, развивал и Гегель. Он указывал, что совершенство, о котором говорили Ансельм и Фома, есть именно тождество бытия и понятия, которое возможно только в Боге. Всё остальное может быть лишь в той или иной степени причастно этому совершенству.

(Качественно иную форму онтологическому доказательству дал Лейбниц (1646-1716). Ход его логики таков: Аксиома - Бог есть Абсолютная Необходимость (её можно принять за аксиому, опосредствованную космологическим доказательством: это мы уже достаточно подробно обсуждали; в системе "практического разума" Канта это положение тоже можно принять за аксиоматическое). Тезис: Бог существует. Доказательство: Если бы не было необходимости всякого существования, то ничто не существовало бы. Следовательно, существует и необходимость всего, которая и есть Бог.

Многочратно указывалось на логическую некорректность этого доказательства, т.к. здесь Лейбниц делает логический круг, доказывая то, от чего он исходит: Бог есть необходимость всего, следовательно, необходимость всего есть Бог.)

— Из всего сказанного ясно, что вопрос прост, но не так прост, как кажется на первый взгляд. С позиций абстрактной логики кажутся правыми и Ансельм, и Фома, и Декарт, и Гегель с одной стороны, но, с другой стороны, и Кант и его последователи тоже не столь уж глупы. В чём же, собственно, расходятся разные философы? Обычно - и мы это наблюдали уже в других аргументах (космологическом и телеологическом), несогласие имеет своим центром аксиомы, лежащие в основе доказательства.

— Какие же аксиомы можно увидеть в ходе онтологического доказательства св. Ансельма? Их две. Первая касается бытия. Мы сравниваем два понятия: 1) Совершенное существо (Бог), Которое есть и 2) Бог, Которого нет. Одному присуще бытие, во втором оно отсутствует. В каком случае мы можем сравнивать две вещи или два понятия? Мы их сравниваем по их количественным или качественным свойствам. Например: одно дерево большое, а другое - не большое. "Большое", или "величина, размер" здесь выступает как свойство, по которому мы сравниваем. Вот такое свойство вещи или понятия в философии называется предикатом. Итак, "Бог обладает бытием" и "Бог не обладает бытием". Здесь "бытие" выступает как предикат. Это первая аксиома: Бытие может быть предикатом или свойством. Иначе, бытие может "измеряться": может быть полнота бытия, может быть неполнота бытия, может быть небытие.

— Вторая аксиома касается совершенства. Бог - совершенное существо. Бог, который есть, совершеннее Бога, которого нет. Значит бытие есть один из признаков блага, совершенства - это вторая аксиома.

— Вот в этих аксиомах всё дело. Одни люди согласны с ними, другие вовсе не склонны их признавать. Бытие не есть предикат (свойство), - говорят они, - а следовательно, бытие не есть и свойство совершенства.

— Вот что пишет по этому поводу С.С. Аверинцев (род. 1937) в своей знаменитой работе "Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики", опубликованной в книге "Древнерусское искусство", М., Наука, 1975, стр. 382. (Рассказать о жизни и работе Аверинцева):

— "Бытие, как учил Кант, не есть предикат, но лишь логическая связка при предикате, ничего не прибавляющая к положительному (содержать) этого предиката.

— (Т.е., если мы рассмотрим суждение "The tree is big", то увидим, что субстантивом (подлежащим) будет термин "the tree", а предикатом (сказуемым) термин "big". Словечко "is" есть только связка (вспомогательный глагол) в суждении, указывающая на предикат "big".)

— Это рассуждение Канта, высказанное в тоне спокойнейшей самоочевидности, стоит того, чтобы привести его целиком.

— "Ясно, - читаем мы в знаменитом IV разделе III главы II книги I Критики (в этом перечислении порядковых числительных скрупулёзного немца явно сквозит незлая ирония Аверинцева), - что бытие не есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чём-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи... В логическом применении оно есть лишь связка в суждении".

— Здесь действительно всё "ясно". ("Ясной" может быть только аксиома. Следовательно, здесь Кант вводит свою собственную аксиому). Бытие, лишённое прав предиката, не может быть и эстетическим предикатом (например, "красотой") (или, скажем, целокупностью всех эстетических предикатов вместе взятых, т.е. "совершенством"). Бытие - лишь логическая и грамматическая связка, лишь пустая возможность предикатов...

— Но то, что было "ясно" Канту, отнюдь не было "ясно" предыдущим эпохам мысли; скорее для них было "ясно" как раз обратное. Первое, с чем должен считаться истолкователь средневекового мировоззрения, - это взгляд на бытие, как на преимущество, как на совокупность всех совершенств... Бытийственность есть "благо" во всех возможных смыслах этого слова (постоянная тема мысли Псевдо-Ареопагита). "Всё, что есть, в той мере, в которой оно есть, причастно благу", - утверждает Августин.

Вслушаемся в звучание этого тезиса: здесь глагол "быть" - уже никак не простая связка! Вещь причастна благу не в той мере, в которой она то-то и то-то, но в той мере, в которой она есть (акцент на глаголе). Обоим зачинателям средневекового мировоззрения вторит его западный завершитель - Фома Аквинский: "Сущее и благое суть понятия взаимозаменяемые".

—Раздел, в котором находятся процитированные выше слова Канта, озаглавлен: "О невозможности онтологического доказательства бытия Божия". "Онтологическое доказательство" было выдвинуто вслед за мыслителями патристики схоластическим философом Ансельмом Кентерберийским и имеет очень простую структуру: Ансельм, собственно, ничего не "доказывает", а предлагает взглянуть в понятие бытия, и усмотрев, что бытие есть важнейшее из совершенств, заключить, что понятие Всесовершенного Существа (т.е. Бога) по определению включает и это совершенство. Бытие и предельное совершенство состоят между собой в интимном сродстве и потому должны где-то совпасть: таков ход мысли, имевший силу не только для Псевдо-Ареопагита и Ансельма, но и для Декарта и Гегеля. Но как Ансельм ничего не "доказывал", а просто апеллировал к самоочевидности так и Кант ничего не "опровергает", не указывает на просчёт в ходе доказательства противника, а выставляет противоположную аксиому. Он также предлагает взглянуть в понятие бытия и непосредственно убедиться, что это пустое место, что всего того наполнения, которое там усмотрел Ансельм, попросту не существует. (Здесь ирония Аверинцева, как видим, становится уже чуть-чуть злой.)

—Перед нами бесконечно поучительный случай. Мыслители разных эпох рассматривают одно и то же понятие, притом предельно общее, предельно абстрактное, - и вот оказывается, что они видят противоположные вещи.

—Для Канта бытие - простая возможность свойств, предикатов. Самого бытия (как предиката, свойства) попросту не существует. Для античных и христианских мыслителей бытие - наилучшее из свойств. "Совершенство" - это полнота бытия, которую вещь имеет внутри себя самой.

—(Указать на теологический смысл понятий "бытие" и "небытие", объяснить значение слова "диавол".) (Этимология слова "Ад". Ад как метафизическое небытие. Флоренский. Кантовский "трансцендентальный разум" как вместилище ада на земле.)

—С.С. Аверинцев продолжает: "Целители христианского средневековья имели свои основания к тому, чтобы усвоить и усилить греческое понимание бытия как совершенства. Ибо если раньше бытие было атрибутом космоса, то теперь оно оказывается интимнейшим достоянием абсолютного теистического Бога и одновременно Его даром творению.

—В ветхозаветной книге Исхода рассказывается, что когда Моисей спросил окликнувшего его из Неопалимой купины Бога Авраама, Исаака и Иакова об имени последнего, он получил ответ (III,14) "Эхйех ашер эхйех" ... Уже в греческом переводе Семидесяти Толковников (в Септуагинте) и затем в латинском, славянском и всех прочих классических переводах присутствует глагол, означающий действие "быть". Бог говорит: "Аз есмь Сый", Он именуется Себя Сущим, "Тем, который есть"; не есть нечто, но именно есть (сущность совпадает с существованием).

—(Обязательно выучите эту формулу схоластического богословия: "В Боге сущность совпадает с существованием, т.е. в Боге сущность (содержание, природа) тождественна существованию (бытию).)

—Это ли не апофеоз антично-средневекового понимания бытия? Поэтому средневековые теологи с неистощавшейся за века радостью и проникновенностью комментировали этот текст (Исх. III,14), в котором они усматривали точку схода между умозрением и Откровением, между мудростью Библии и мудростью Афин. Их ликование не было предела: на их глазах авторитет веры подтверждал их интимнейшую философскую убежденность, а авторитет философии подтверждал их библейскую веру".

— Св. Иоанн Дамаскин (750) говорит о Боге, как о "неизмеримом и беспредельном море сущности (бытийственности)". Фома Аквинский говорит о Нём, как о "море субстанции". (Объяснить смысл слова *substantia* в классическом применении Аристотеля, рассказать об изменении смысла этого слова в IV веке, о трагических причинах этого. Историческое значение изменения смысла слова "субстанция".) Св. Григорий Нисский - как о "полноте благ".

— "Быть - преимущество Бога; и это Своё преимущество Он по Своей благодати дарит вещам, причём бытие в вещах понято как знак Его в них присутствия. Во всём, что есть, именно то, что в собственном смысле слова есть, - это Бог, и уделённое вещи присутствие Бога есть основание её бытия. "Я не был бы, я совершенно не мог бы быть, если бы Ты не пребывал во мне!" - восклицает блаж. Августин... Потому зло тождественно с небытием; по замечанию Псевдо-Ареопагита, "и бесы по природе своей не злы... а злы лишь в той мере, в какой не суть; будучи причастными небытию, они делаются причастны злу".

"Для христианина каждая вещь и сам он созданы, призваны к бытию от небытия, извлечены зовом Бога из темноты Ничто и ещё сохранили на себе печать Ничто; богословие назвало эту печать "тварностью". Христианское сознание ощущает себя над пропастью небытия, над которой его одерживает рука Бога. Откуда же в вещи, откуда в человеке присутствие бытия, если оно уже не мыслится как само собой разумеющийся удел всего бытийствующего? Ответ гласил: бытие любовное дарение Творца, на которое "от небытия к бытию приведённый" мир может ответить только пронзительным изумлением и потоками слёз".

С такой глубокой проникновенностью в предмет и красочностью пишет на интересующую нас тему наш московский современник. Прочитрованы лишь маленькие выдержки из его работы. Желаящие всегда могут прочесть её в библиотеке целиком.

— Ленинград, 19 ноября 1978 г.

Дорогой Сашок!

Немного размышлений о "бытии" у Канта. Аверинцев, приводя примеры из античной и патристической мысли о том, что бытие "понимается" как благо и совершенство ("понимается" я взял в кавычки, потому что именно не понимается, а переживается, как аксиома, данная непосредственному опытному усмотрению; сначала переживается, а затем уже, осознанная, осмысливается, "понимается"), далее пишет:

"Но как Ансельм ничего не "доказывал", а просто апеллировал к самоочевидности, так и Кант ничего не "опровергает", не указывает на просчёт в ходе доказательства противника, а выставляет противоположную аксиому. Он также предлагает взглянуть в понятие бытия и непосредственно убедиться, что это пустое место, что всего того наполнения, которое там усмотрел Ансельм, попросту не существует".

Нисколько мне известно, понятие "бытия" Кант даже не удостоивает подробного (или вообще какого-то) рассмотрения. Бытие должно предполагаться у него, как факт функционирования разума. Причём всякое внешнее бытие (или мнимо существующие вне познающего субъекта объекты) выступает перед познающим разумом в предельно общих формах пространства и времени. А поскольку (по Канту) время и пространство не могут быть ни внешними реальностями, ни отвлечёнными от внешнего опыта понятиями (это один из узловых моментов его философии), то они могут быть лишь "чистым воззрением" (*reine Anschauung*), или, как чаще говорят, субъективной "априорной формой", необходимо присущей нашему уму ("трансцендентальному разуму"). Иначе говоря, наш разум - это как бы пустой ящик (априорная форма), пространственно-временное

вместилище, в котором приобретают пространственно-временной вид (то, что мы обычно называем "бытием") другие действия нашего разума, которые мы называем "ощущения" внешнего опыта. Возникает вопрос - откуда берутся эти внешние ощущения? На это Кант ответа не даёт. Вне моего разума - только тайна, "вещи в себе" (отнюдь не "бытие": бытие эти вещи получают уже в "явлении", т.е. в нашем разуме). Что-то, как-то и почему-то. В этом глубокомыслии вся соль философии Канта. Ещё, пожалуй, то, что помимо этой таинственной троицы есть некое Я, точнее даже не объективированное Я (это тоже "что-то, как-то и почему-то"), а Трансцендентальный Разум (априорный ящик), почему-то строящий внутри себя систему знаний. Знаний о чём? О том, что "что-то, как-то и почему-то". И получает этот Разум знания о "чём-то, ..."? Никак нет, потому что это "что-то, ..." непознаваемо. И т.д., и т.д., пока ум за Разум не зайдёт.

— Флоренский в своей речи на защите диссертации привёл воображаемый разговор с Кантом:

— "Как возможна Истина?" - спрашивают Канта, и ответ его гласит: - Истина возможна как методическое познание, т.е. как вечно строящаяся, но никогда не заканчиваемая система знания - вавилонская башня Нового Времени.

— "Но как же, в свой черёд, возможно методическое познание?"

— Оно возможно, как синтетические суждения а priori, - спешит успокоить Кант.

— "Но в таком случае, как же возможны синтетические суждения а priori?"

— Как функции организации разума, - с довольным видом открывает он. И замолкает совсем. Но дальнейшая история мысли этим ответом опять не удовлетворена.

— "А организация разума со всеми его функциями, она как возможна?" - спрашивают у Канта. Но на этот вопрос Кант уже не желает дать ответа, и ряд вопрошаний должен прерваться. В "организации разума" критическая мысль увязает, как в трясине. А между тем неизвестно ещё, есть ли в самом деле, эта организация разума, да и есть ли самый разум."

— Таким образом, в самом сердце кантовской философии остаётся пробел, который возможно заполнить только онтологическим суждением "Есть" или "Нет", но ведь именно подобные суждения Кант принципиально отвергал (The tree is big - это можно сказать, а The tree is - пустая форма, ящик, незаполненный содержанием). Отрицая за бытием предикативность (сказуемость), Кант, увы! подрывает основы своей философии. Но признав за бытием предикативность, он разрушил бы свою философию. Так из огня да в полымя.

— Даже самая примитивная философия, признающая за "бытием" объективность и реальность (какое-нибудь "ням-ням" или вульгарный материализм), - жизненная философия, ибо имеет основание под ногами. Даже самая утончённая спекуляция, отрицающая "бытие", - мёртвая философия покойников, потому что почву у себя из-под ног выбила.

— Поэтому в работе "Смысл идеализма" Флоренский, сопоставляя Платона с Кантом, пишет, что если философию Платона (отнюдь не систематическую, скорее поэзию) можно представить себе как перст, указующий на полноту живой жизни, которая богаче всякого воображения, как перст от земли горе, то философию Канта можно представить себе как перст, направленный куда-то наискось и вбок, в трансцендентальную пустоту смерти, отсутствия бытия.

— Вне сомнения, на философии Канта отразилась его жизнь (а может быть наоборот), жизнь, почти совсем лишённая даже примитивных форм духовности (если под духовностью понимать не нынешнюю интеллигентскую "интеллектуальность", а принимать "духовность" в первичном, подлинном, религиозно-онтологическом смысле, - как несамозамкнутость, как открытость инобытию: любовь, дружеские связи, половая жизнь, подверженность действию красоты, музыки, религиозность, пусть даже стремление найти утешение в вине или в наркотиках).

— Философ (в его смысле) в нём победил живого человека. Он никогда не более, как

машина (что может быть ужасней?). Он не женился, потому что считал, что это будет помехой его труду (справедливо, но скучно). Он дружил лишь с теми, кто помогал ему в его занятиях. Он никуда не выезжал, чтобы не прерывать ритм рабочей жизни.

Эстетическое развитие его было ниже среднего: красота не пробуждала в нём живого интереса, в поэзии ценил лишь дидактику, музыку терпеть не мог, к пластике был абсолютно равнодушен. Религиозное развитие его было нулевым, понимал он религию чисто фарисейски.

—Сравним-ка с Платоном: аристократ, неутомимый путешественник, спортсмен, влюбчив, поэт, музыкант, политик, экстатик и т.д.

—Какова жизнь, таковы и опытные аксиомы у него. Для реалистов аксиома - "бытие есть", а потому возможно и сравнивать по бытию. Для концептуалистов (каков в общем Кант) "бытия нет", а потому и сравнения по нему бессмысленны. Действительно, это не разные "доказательства" (или "философии"), а разные "миро-воззрения".

21

ноября 1978 г.

О Канте распелся только потому, что спровоцирован был этой статьёй, которую ты мне выслал. На самом деле я сейчас очень далёк от всего этого: приближается последняя сессия, которая начнётся 10 декабря. Надо будет сдать семь экзаменов: Каноническое право, Византологию, Историю славянских церквей, Историю западных исповеданий (протестантизм), Новый Завет (Деяния и Послания), Археологию и Конституцию СССР. Придётся жарко.

Каникулы начнутся к Новому году. Намерен перед каникулами подать прошение на пострижение. Если постригут, то и рукоположат вскоре. Тогда в каникулы буду проходить где-нибудь практику.

Всего хорошего, целую, Дима.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)